

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

или история
жизни кунички

12+

Камиль Зиганшин

Маха, или История жизни кунички

«Автор»

1990

Зиганшин К. Ф.

Маха, или История жизни кунички / К. Ф. Зиганшин — «Автор»,
1990

В повести "Маха или история жизни кунички", продолжающей традиции классической литературы о природе, с большой любовью и знанием животного мира рассказывается о жизни и приключениях маленькой куницы, оставшейся без материнской заботы. Увлекательный сюжет, великолепные картины природы, богатый образный язык в сочетании с уникальным знанием тайги не разочаруют даже самого взыскательного читателя.

© Зиганшин К. Ф., 1990

© Автор, 1990

Содержание

1	5
2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Камиль Зиганшин

Маха, или История жизни кунички

1

В глубоком, просторном дупле было сухо, сумрачно. На дне мягко пружинила подстилка из длинных прядей лишайника.

Четверо ещё слепых щенят куницы, покрытых коротким младенческим пухом, лежали плотным клубком и беспечно посапывали. Время от времени один из малышей сонно, с трудом удерживая большую голову, потягивался и, бесцеремонно расталкивая остальных, жадно тыкался мордочкой в набухший молоком сосок. Остальные, словно по команде, поднимали дружную возню и следовали его примеру.

Накормив несмышлёнышей, куница осторожно вставала и выскальзывала наружу. Подкрепившись первой попавшейся дичью и полакав студёной ключевой воды, она без задержки возвращалась в дупло. Ненасытное потомство взволнованно сопело, попискивая, тянулось к матери и успокаивалось, блаженно почмокивая.

Кунята росли быстро. Нежные шубки день за днём густели. На головках потешно затопорщились треугольные ушки. Вскоре прорезались чёрные глазёнки, и малыши всё чаще с любопытством поглядывали на смутно белеющий сверху лаз. Через него врывались незнакомые, будоражащие запахи, доносился невнятный шум тайги.

Самая маленькая, но в то же время и самая подвижная кроха – Маха – уже не единожды пыталась дотянуться до кромки лаза, чтобы глянуть в таинственно шумящее окошко, однако всякий раз бдительная мать сердито уркала на любопытную дочь и стягивала её вниз.

В дупле становилось тесно. Наконец настал день, когда куница сама вывела малышей в огромный, многоцветный, многоголосый мир, поощряя одобрителем поуркиванием смелых и подталкивая лапой робких. Судорожно цепляясь слабыми коготками за выступы ребристой коры, жмурясь от слепящего света, кунята потихоньку спустились на землю. С интересом огляделись и обступили мать, трепавшую хохлатого рябчика, пойманного ею накануне.

Куница отгрызла петушку голову и легонько подтолкнула её к малышам. Те, давя друг друга, в ужасе отпрянули, но когда невольный испуг прошёл, первой, боязливо переступая и вытягивая шею, приблизилась к аппетитно пахнущему комочку Маха. Обойдя его кругом, малышка сначала осторожно потрогала, а затем поддела петушину голову лапкой. Та покатилась с бугорка в траву, и осмелевшие кунята дружно кинулись за «убегавшей» добычей.

Один за другим мелькали дни беззаботных игр и безмятежного сна под надзором матери. Спускаясь на землю, покрытую толстым слоем хвои, шалуны часами изображали охотников.

Гоняясь друг за другом, они проворно карабкались на деревья, скаля острые зубки, устрашающе уркали на «врага» и, шлёпнувшись вниз, затаивались в траве. Затем, пластая по земле, выслеживали «дичь», мгновенно вскидывались и опрокидывали её на спину ударом передних лап. Яростно кусались, не причиняя, однако, друг другу боли.

Маха уже не ощущала слабости в лапах. Приобрела быстроту и точность движений. Несмотря на изящное и, казалось, хрупкое телосложение, она была заводилой всех потешных потасовок, не только достойно отбиваясь от более рослых братьев, но и с завидной ловкостью сама атакуя их при каждом удобном случае.

Убегая в пылу игры всё дальше и дальше, кунята изучали окрестности. Скоро они уяснили, что мелкие, но голосистые птицы, шустрые бурундуки, доверчивые рябчики, проныры-мыши не опасны. Мать часто ловила эту живность и приносила подрастающей детворе для охотничьих забав.

Непоседе Махе, первой побывавшей на окраине просторного, светлого бора, не терпелось узнать, что скрывается в примыкающих к нему непролазных зарослях черёмухи, но она не решалась покидать обжитые пределы.

Однажды, на исходе тёплого, тихого дня, когда мать ушла на охоту, Маха всё же набралась смелости и шагнула в таинственную чащу.

Там, в глубине тенистого царства, куничка услышала глухой шум. Сквозь ветви блеснул упругий поток, падавший с двухметрового уступа. Кипевшая в каменном котле вода гоняла крутые буруны, закручивала глубокие подвижные воронки. Солнце дробилось в этой кипени тысячами лучистых зайчиков.

Ниже по течению ручей успокаивался, раздавался вирирь и лениво струился мимо живописных заводей. На зеркальной глади мигали круги от жирющей рыбы, царственно колыхались листья стрелолиста, плавали утки, лихо скользили между хлопьев пышной пены водомерки. В тёплой воде песчаных отмелей сновали стайки мальков. По противоположному берегу суетливо перебегали с места на место длинноносые кулички.

Маленькая путешественница заворожённо разглядывала новый открывшийся мир. Вдруг неведомое прежде чувство предупредило её об опасности. Обернувшись, она увидела злые, колючие глаза незнакомого зверя.

Это была норка. Прежде чем вывести на прогулку своё потомство, она выбралась из подземного убежища на разведку. Глядя в упор, норка с воинственным стрекотом бросилась на куничку. Бедняжка попятилась, затравленно оглядываясь: куда деваться? Позади вода, а впереди – ощерившийся враг. Резко оттолкнувшись от гальки, Маха в невообразимом прыжке перелетела через голову окаменевшей от неожиданности норки и скрылась в спасительных зарослях...

Как-то утром обитателей соснового бора, погружённого в лёгкий туман, разбудила не птичья разноголосица, а громкие грубые голоса. Встревоженная куница-мать выглянула: к их жилищу приближались двуногие существа с котомками, связками ремней и веревок. Шествие возглавлял лопухий пёс.

Бортники-башкиры, а это были именно они, шли к давно намеченной сосне делать бортъ *¹ для нового роя диких пчёл. Подойдя к дереву, один из них начал привычно взбираться по толстому стволу, ловко вскидывая вверх кожаный пояс, жёсткой полудугой охватывавший золотисто-рыжую колонну. Люди то и дело переговаривались, смеялись.

Куница, чуя беду, припала к подстилке. Настороженно, до боли в ушах вслушивалась она в нарастающий шум. Волнение матери передалось малышам. Они притихли и сбились в кучу.

Поднимаясь, бортник то и дело простукивал ствол обухом топора. Сильные гулкие удары заставляли зверьков сжиматься от страха. Охристая древесная пыль слетала со стенок дупла и нестерпимо щекотала нежные ноздри.

Тем временем верхолаз обнаружил дупло. Он сунул в него руку и, коснувшись мягкой шёрстки, непроизвольно отдёнул её, но было поздно. Как ни силён был страх куницы перед человеком, великий инстинкт материнства оказался сильнее: сделав молниеносный выпад, она вонзила две пары острых, словно шило, клыков в палец бортника.

От боли и неожиданности человек вскрикнул, выдернул руку с вцепившейся куницей и стряхнул её резким, энергичным взмахом прямо к лапам подскочившей собаки.

Грудастый кобель прижал куницу к земле, пастью схватил поперёк тела и, прежде чем прозвучал запоздалый окрик хозяина, перекусил позвонки.

¹ Объяснение слов, отмеченных знаком *, см. в словаре на с. 344–349.

Бортник отнял у пса обмякшего зверька. Обдувая редкий летний мех, он с сожалением оглядел понапрасну загубленную лесную красавицу. Досадливо побряхтел и убрал случайный трофей в котомку.

Тем временем его напарник притянулся к стволу поплотнее, обмотал окровавленный палец платком, отломил ветку и стал тыкать ею в дно дупла. Кунята, уворачиваясь от болезненных уколов, тонко верещали. Бортник надел на руку выдавшую виды шляпу и, действуя ею, как клешней, поочередно выудил из гнезда и засунул в мешок трёх отчаянно извивающихся малышей.

Мягкая холщовая полость подействовала на пленников странным образом: они присмирели и успокоились.

Оживлённо обсуждая непредвиденную охоту, бортники поставили на стволе тамгу – родовой знак в виде двойного угла и ушли восвояси, довольные тем, что так быстро обзавелись новой бортью (обычно её приходится вырубать целый день), а заодно избавили трудолюбивых пчёл от опасных соседей: все куницы обожают мёд и не упустят случая полакомиться им.

Молодых кунят, по совету егеря, они отдали работникам расположенной неподалёку зверофермы.

Бортники и не подозревали, что в дупле осталась Маха. Когда мать столь необыкновенным образом покинула гнездо, она глубоко втиснулась в одну из выщербин внутри дупла и не шелохнувшись присидела так до захода солнца.

Всё это время её никто не беспокоил. Маха осмелела и, вслушиваясь в монотонный гул леса, решила выглянуть. Небо было ещё прозрачным и просторным, но в тайге уже сгустились сумерки. Осмотревшись и не приметив ничего подозрительного, Маха опасно спустилась на землю.

Над травой толкалась мошкара, зло звенело комарьё; пискнула и неслышно исчезла во тьме летучая мышь; из-за гребня почерневших гор проклюнулся клыкастый месяц – в лесу всё шло своим чередом.

Недалеко от сосны влажный носик Махи учуял родной запах. Куничка взволнованно заметалась, а найдя клочки материнской шерсти, обеспокоилась ещё больше. Упорно рыскала она между переплетений обнажённых корней, но не находила иных следов. Невыносимая тоска и отчаяние охватили осиротевшее существо.

Внезапно Маху обдало воздушной волной и жгучая боль пронзила бок. Над головой бесшумно, словно призрак, взмыл к угольно-чёрным макушкам сосен промахнувшийся филин. Куничка запоздало шарахнулась в сторону и помчалась напропалую вниз по косогору, прочь от страшного места. Вслед жутко заухал раздражённый неудачей налётчик.

Прыгая через валежины*, пни, рытвины, травянистые кочки, кубарем скатываясь с крутых откосов, Маха выбилась из сил. Мокрая, исхлётанная ветвями, в изнеможении забралась она под выворотень, отдышавшись, зализала горевшую огнём рану, обессиленно вытянулась и уснула.

Выкатившийся на уже поглубевшее небо пылающий диск солнца залил тайгу живительными лучами. Пучки света, профильтрованные кронами деревьев, зажгли росистую траву, заиграли радужными искорками водяного бисера, нанизанного на тонкие нити паутинок.

Зорянка пробудилась ото сна и сыграла на звонкой флейте побудку. Ей в ответ со всех сторон затенькало, засвистело, и вскоре сводный лесной оркестр зазвучал в полную силу. Лежавшую ничком Маху разбудил шорох – это припозднившаяся ежиха с вереницей ежат продиралась сквозь голенастые стебли травы.

Из-под выворотня на куничку неприветливо поглядывал паук. Между корней тяжело ворочался, поблёскивая матовой бронёй, жук-олень. Однако всё это не интересовало Маху. Она с щемящей тоской вспоминала мать и весёлых, задиристых братишек. Где они сейчас? Что с ними? Кругом витает столько запахов, но все чужие, незнакомые.

От перенесённого потрясения и изматывающего бега Маха даже после отдыха имела жалкий вид. Мышцы всё ещё подёргивались, кровь на боку запеклась, шерсть слиплась.

Глядя из своего укрытия на бегающие по дну говорливого ручья солнечные блики, она ощутила нестерпимую жажду и голод. Жажду утолила легко, а вот добыть что-либо съедобное ей не удалось. Наконец после долгих поисков Маха заметила проشمгнувшую в норку остромордую мышку. Куничка мгновенно преобразилась. Выразительные чёрные глазки алчно заблестели, по шубке словно пробежал электрический ток, мышцы напряглись, вновь наливаясь силой.

Маха вспомнила, как мать в таких случаях затаивалась у входа и не шевелясь поджидала появления хозяйки норы. Теперь маленькая куница сама точно так же притаилась в траве в томительном ожидании. И когда ничего не подозревавшая мышь выбралась на свет, Маха придавила её к земле.

Не имея опыта, охотница принялась что есть силы мотать и энергично встряхивать жертву, до тех пор пока та наконец не стихла. Опьянённая кровью куничка в восторге несколько раз высоко подпрыгнула над своей первой добычей. Эх, видела бы её победу мама!

Так закончилось детство и началась самостоятельная жизнь Махи.

Утолив голод, воодушевлённая успешной охотой куничка взобралась на скалистую террасу. Надо было оглядеться и решить, оставаться тут или искать для жительства более подходящее место.

Перед ней простиралась межгорная впадина, окружённая пологими увалами* с запада и зубчатой цепью гор с востока. С их ломаных граней, поросших кудрявыми соснами и островерхними елями, стекали светло-серыми языками каменные осыпи. Широкое дно впадины покрывал лиственный лес, разделённый блестящей извилистой нитью ручья на два неровных ломтя.

Учуяв на спуске с террасы метки других куниц, неопытная Маха решила, что и ей тоже можно здесь поселиться, и устроилась отдыхать в дупле сучковатой старой ели.

Когда освежённая сном куничка выглянула наружу, то увидела в закатных лучах солнца рыжую акробатку-белку. Та раскачивалась на ветке соседнего дерева, ухватившись за неё одной лапкой, затем легко перевернулась в воздухе колесом и помчалась вверх по стволу.

С завистью провожая её взглядом, Маха рассмотрела на стоящей неподалёку берёзе искусно сплетённую чашу гнезда. Перепрыгнув ближе, обнаружила в нём голубоватые яйца. Подлётевший зяблик с криком заметался, запорхал вокруг, но был не в силах остановить грабительницу. Прокусывая скорлупу, Маха, жмурясь от удовольствия, выпивала содержимое. С этого дня она уже не упускала возможности полакомиться яйцами, а порой и птенцами.

Правда, не всегда её набеги оставались безнаказанными: приметив как-то гнездо горлицы и убедившись, что хозяев нет, Маха спрыгнула к небрежно сооружённому из сухих веточек гнезду-настилу. Два писклявых пуховичка, широко раскрыв клювы, настойчиво требовали пищи. Куничка не успела даже протянуть вооружённую когтями лапу, как на неё налетел крылатый вихрь. Яростные, болезненные удары клюва по темени сразу остудили охотничий пыл Махи. Спасаясь, она поспешила укрыться в густом кустарнике.

2

Время шло. Повзрослевшая куничка узнала, где находятся излюбленные места кормёжки рябчиков, куда улетаются они отдыхать на ночь, какая куча хвороста изобилует мышами, в каком ельнике обитают белки, под какими пнями вырыты норки бурундуков. Изучила повадки своей добычи. Научилась ловить и быстро справляться с ней. В её движениях появились непринуждённая лёгкость и грация. В характере – выдержка и самообладание.

Теперь Маха подолгу гоняла белок, соперничая с ними в быстроте и ловкости. Однако нападать на них пока не решалась.

Однажды куничка обнаружила хорошо натоптанную тропинку, которая вывела её в небольшую котловину, заросшую черной ольхой. Перебежав через болотину, Маха поднялась на сухой взлёт, покрытый оспинами свежих ямок, выветрившимся помётом, обломками покусанных веток и обглоданными костями. Чуть дальше, между отполированных снизу стволов, резвились большеголовые волчата.

Маха смекнула, что встреча с ними не сулит ничего хорошего, и немедленно повернула прочь от волчьего логова. Интуиция подсказала, что тропинкой уходить не следует. Взорвавшись на расщеплённую ветром ольху, куница пошла вёрхом и благодаря этому избежала встречи с матерым волком, спешившим с добычей к своему прожорливому семейству.

Всё реже и реже спускалась куничка на землю, где на каждом шагу подстерегали опасности. Только на деревьях, в зелёном пологом лесу, Маха чувствовала себя уверенно. Птицы и белки, обитавшие здесь, завидев её, поднимали тревожный гвалт и в панике разлетались, разбегались кто куда.

...Маха вытянулась, стала выше и крепче. Шубка, покрывавшая стройное мускулистое тело, приобрела приятный бежевый оттенок, шею и грудь украсило жёлто-кремовое пятно, рана на боку зажила, подёрнулась нежным пушком. Ощущение одиночества и беспомощности прошло. Маха стала полноправной хозяйкой верхнего яруса леса.

Во время дневного зноя она предпочитала дремать в прохладе дупла. Но как только стихал птичий гомон, Маха, не обращая внимания на вопли филина, выходила на охоту.

В один из таких вечеров, спускаясь вдоль ключа к отлогому берегу реки, куница услышала треск и густой шум листвы падающего дерева. Маха встрепелась и, мигом взлетев на громадный вяз, по-гусиному вытянула шею, пытаясь рассмотреть место, откуда донёсся шум, но частая листва скрывала от неё низкий берег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.